

Полина Жеребцова

Полина Жеребцова

ТОНКАЯ

СЕРЕБРИСТАЯ

НИТЬ

РЕДАКЦИЯ
ЕЛЕНЬ ШУБИНОЙ

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6
Ж59

Дизайн переплета *Андрей Рыбаков*

Жеребцова, Полина Викторовна.

Ж59 Тонкая серебристая нить : [рассказы] / Полина Жеребцова. – Москва : Издательство АСТ : Редакция Елены Шубиной, 2015. – 318, [2] с. – (Новая проза).

ISBN 978-5-17-092586-5

Полина Жеребцова – журналист, финалист Премии им. Андрея Сахарова; родилась в 1985 году в Грозном, ее детство и юность прошли среди бомб и военной разрухи. Первая книга Полины «Муравей в стеклянной банке. Чеченские дневники 1994–2004 гг.» вызвала огромный резонанс во всем мире.

«Тонкая серебристая нить» уже не просто документ, но сильная проза, герои которой рассказывают свою историю: как среди ужасов войны сохранить любовь и волю к жизни, как победить злую сказку и не порвать при этом тонкую серебристую нить, связывающую душу и тело. Рассказы переведены на украинский, финский и немецкий языки.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-17-092586-5

© Жеребцова П.В.
© ООО «Издательство АСТ»

СОДЕРЖАНИЕ

Много у Господа светлых убранств	7
Когда самолеты спят	21
Мы — террористы	28
Коробка из-под «Монпансье»	32
Добрый доктор	39
Благородный поступок (чеченский вариант)	48
Один день на войне	54
Маленький Ангел	62
Орел	66
Дедушка Идрис	69
Тонкая серебристая нить	78
Алхазур	83
Мудрецы	86
Бог благословляет спасающих	94
Страх	102
Настоящая мама	104
07:15	111
Седьмая печать	117
Не судьба	119
Мертвый город	127
Лариса	130

Удивительный сон	143
Небесно-голубые фашисты	146
Дочь Пророка	153
Зайна	189
Журналистка	201
Тайна	207
Душа	212
Два метра в квадрате	218
Учитель истории	250
Нина	254
Путь в поднебесье	259
Река Смерти	317

МНОГО У ГОСПОДА СВЕТЛЫХ УБРАНСТВ

Мы сидим на Старой башне, а внизу, в синеве залива, купается солнце, словно надкусанное оранжевое яблоко.

— Что есть мир видимых траекторий?

— Зачем тебе? — спросил дед, не отрывая взгляда от переливающейся воды. — Лови сны! Сегодня много пушистых.

Я поймала один в виде огненного шара, но он рассыпался на множество искр, которые упали вниз, на позолоченные крыши храмовых построек.

— Осторожнее, внучка, — прошептал дед Атолла и засмеялся в густую белую бороду.

— Как я могу ловить сны? Удочка, которую ты мне дал, — ненастоящая! — сказала я, надувшись.

— Всё, что ты можешь себе представить, всё, что ты можешь увидеть, — подлинное, — парировал дед и, в подтверждение своих слов, легонько ткнул меня тонкой, похожей на тростинку удочкой в бок.

— Ой! А что было раньше на Старой башне? Ведь всегда что-то бывает раньше, перед «по-

том»... — мысли не давали ни минуты покоя, их поток жужжал внутри головы, словно рой пчел.

— Мысли — это ветви, проникающие неглубоко: в изнанку мира, туда, где много швов и стежков. В глубину ведет тишина... — сказал дед, вытаскивая из солнечных лучей перламутровый треугольник, который, мелькнув, стал серебристой рыбой, а потом пропал в отражении его глаз. Однако на мой вопрос дед все же ответил: — Раньше на Старой башне был маяк.

— Маяк? — ответило эхо внутри меня: было так неудобно в окружающей нас тишине.

— Здесь горел огонь, замурованный в куполе цветного стекла. Свет был виден даже за Прозрачной границей, и никто не сбивался с пути. Сюда поднимались лодки.

— Лодки без парусов?

— Они поднимались как пар с самого низа сквозь все измерения. В каждой лодке — одна душа. Никогда я не видел двух душ вместе! Рядом с душой был фонарь, жестяная плетенка с огнем внутри. И души, воплотившись, грели об него свои, как им казалось, холодные руки.

— А что потом?

— Будет тишина или нет? — не выдержал дед и посмотрел на меня сурово. — Сейчас здесь нет маяка, нет душ, и даже склад фонарей ликвидировали...

Пришлось умолкнуть.

Нырять в тишину утомительно для меня. На это я трачу больше энергии, чем на всё, что умею: тишина как омут. Ты прыгаешь с высоты, но не идешь на дно, потому что боишься. Страх заставляет тебя выныривать из тишины, судорожно глотать воздух, жмуриться и совершать бессмысленные движения. А нужно уйти в глубину, посмотреть и увидеть, как слова и мысли искажают донные потоки.

Мы всегда знали всё, только забыли.

Всё, что потом прочитаем, расскажем и нарисует. Всё, о чем будем говорить и писать. Это хранит глубина. «Быть может, прежде губ уже родился шепот», — вспомнила я строчки из старой книжки.

Раньше у меня совсем плохо получалось с этими делами — я была маленькая, а теперь подросла и стала слышать свое дыхание: солнечный ветер, пульсирующий под кожей. Дед говорит, это лучше, чем долго настраивать стук сердца.

Нырнув в глубину, я увидела море цветов. Это было настоящее море из красных, розовых, белых и желтых тюльпанов. Тюльпаны, подобно морским волнам, шумели. Большая белая черепаха возникла из глубины небесного свода. Ее панцирь из темно-синих сапфиров сверкнул в догорающем солнце, и черепаха, мудрая и важная, спокойно поплыла по синему небу.

Здесь врата тишины.

И границы во внутренний космос — отсутствуют.

Я открыла глаза.

Дед Атолла собирал улов в сеть. Сны переливались и пушились. Мне понравился бирюзовый, похожий на морскую звезду, но дед сказал:

— Это подарок Чапе!

Чапа — наша собака, дворняжка, мы любим ее за веселый нрав. Дед говорит, что когда-то ее отравили злые люди, и она умерла. Ее кости истлели в заброшенном старом колодце, но теперь Чапа ничего не помнит и виляет хвостом.

— Дед, а почему Чапа ничего не помнит?

— Ты хочешь, чтобы она вспомнила?

Я поняла, что дед немножко сердится, и домой мы пошли молча. А мне так хотелось чудес! Я слышала о наемниках Света, воюющих в нижних мирах, о странниках Тьмы, шпионящих в верхних потоках, и о долине Сиреневого Огня — обители джиннов. Но дед Атолла не отпускал меня из границ Старой башни. Это было наше Убежище. Временный приют всего на пару веков, стекающих с ладоней подобно каплям воды.

Наш дом имел зеркальный покров, и каждый приближающийся к его стенам мог увидеть только себя. Возможно, это и стало причиной нашего одиночества: кто решится прийти и рассмотреть свою душу? Непосильный труд.

Чапа, задорно лая, бежала навстречу. Она прыгала как заяц, а потом и вовсе пустилась в пляс.

Дед издал бросил ей сон в виде морской звездочки. Собака принялась грызть его и облизываться...

— Она сейчас не заснет! — сказала я.

Дед промолчал.

Вечером мы читали книги у камина и пили зеленый чай.

— Ты знаешь, что такое *время*? — неожиданно спросил дед Атолла.

Обрадовавшись, я поспешила ответить:

— В Хрониках Песка написано, что *время* — это поток, пронизывающий нижние миры. Игра ума, способная сохранять искажения, слова и мысли.

— Не совсем так. *Время* — это, конечно, игра ума, однако восприятие его в нижних и верхних мирах неоднозначно. В нижних мирах *время* — это туннель. Оно никогда не движется сквозь тебя, ты перескакиваешь его, ныряешь в него и таким образом оказываешься в лодке без паруса. В верхних мирах по-другому, но нас туда не возьмут.

— Почему?

— А кто мы? Осколки. Нити снов. Странники иных измерений. Эхо прошлого и будущего. Собиратели Историй. Мы обрели покой, заплатив дорожную цену.

— Так ты сам не знаешь, что за Старой башней, а не пускаешь меня туда! — с обидой сказала я.

— Знаю. Я был в нижних мирах и легко менял обличья, но когда возникла одна-единственная

крошечная лазейка, я воспользовался ей, и вот теперь мы здесь.

— А как же я?

— Я не мог спасти всех. Моих сил было недостаточно.

Чапа, поставив передние лапы на гамак, в котором уютно устроился дед, доверчиво прижалась к его штанине щекой и заглянула в глаза, а потом внезапно, что-то вспомнив, бросилась в коридор и принесла в зубах тапочки.

— Как тапочки все *время* оказываются в коридоре?!

— Она это знает, и поэтому они *там*, — улыбнулся дед.

— Ты все знаешь! — сказала я. — Все на свете!

— Главное — детали. Остальное не имеет значения: это фон, проекция мыслей, вовлечение в пустоту. Куда бы ты ни попала — лови детали. Только из них строят миры.

— А что есть одиночество?

— Когда у человека нет семьи, которую бы он любил, он одинок. Человек говорит, что любит свою работу, но он просто забывается в ней. И знает, что вечером некому спеть колыбельную песню. Когда человек пьет веселящий его напиток, мир рушится быстрее, чем ему положено. Сны мучают его одиночеством и пустыми мечтами. Зато когда человек молится, он открыт и прекрасен. Некоторые говорят с Богом, как с соседом по дому, другие — как с Владыкой Все-

ленной. Но просят все одного — счастья. На рассвете у моря или на закате в пещерах, где обитают летучие мыши, человек видит знаки.

Я задумалась, а потом ответила:

— Я сожгла свои карты Таро. Вольно им было всегда говорить правду! Правда бывает разной. Когда ее можно увидеть, проследив полет пчелы, то уже не нужна бумага.

— Читая книги, человек не спасается от одиночества. Он пропитывает им страницы, не в силах проснуться и вспомнить, что было время, когда он не умел читать. Зато видел, КАК растет трава. Опрокидывая воспоминания о прошлом, знай, что всё закончится, как начиналось: пятна света в золотых пляшущих мушках.

Сны волновались, и я, выбрав один из корзинок, растворила его в себе.

Осознанные сновидения — это не просто место, это тайна, которой не существует. Когда попадаешь туда, не нужны дополнительные снаряжения в виде знаний, просто следует понять, что это — сон. И я поняла.

Я увидела белую комнату с полукруглыми стенами. В ней не было окон, зато были двери-арки. Каждую арку закрывало сплошное полупрозрачное стекло. Для того чтобы проникнуть внутрь, надо было пройти сквозь него. Я приложила руку к стеклу и ощутила прохладу, как от зеркал, защищающих наш временный приют.

Расщепление — это разборка тканей на элементы и сбор их в обратном направлении. Все странники измерений умеют это делать. Сосредоточившись, я рассыпалась на светящиеся молекулы, и они прошли сквозь стекло, собравшись по другую сторону воедино. Это заняло пару секунд.

Теперь я заметила, что таких белых комнат много. Из одной двери-арки можно было попасть в другую по лабиринтам.

В первой комнате меня ожидал сюрприз: я увидела кареглазую девочку в окружении других детей. Она ссорилась со светловолосым мальчиком из-за игрушки — красивой маленькой лошадки с золотой гривой. Дети кричали друг на друга. Мальчик отбирал лошадку у девочки, но маленькая проказница, изловчившись, так стукнула его по ноге, что он упал. Игрушка осталась в ее руках.

Для видимых образов мы остаемся недостижимыми: нас нельзя ощутить или потрогать. Мы берем из них нити света, в этом наша сила. Но сейчас я решила просто идти дальше.

В другой комнате девчушка лет одиннадцати вертелась перед зеркалом в ярком зеленом платке и напевала стихи, наверное, собственного сочинения:

Заката тлеющую рану
Внезапно солнце расплеснет,
И озарится лист Корана
Мечтой, похожей на полет...

Потом девочка стащила с себя платок и, сверкнув коротким ежиком волос, рассмеялась, громко объявив в пустоту:

— Меня зовут Нейши!

Комнаты были прочные. Я подошла и постучала по стене: тук-тук.

Опасно для странника измерений поддаться эмоциям. От этого мы упускаем возможность контролировать силу и тратим энергию попусту. Если я и обижаюсь на деда, а он на меня — это шутка, игра, но не более того. Это не всерьез. На это энергия не уходит.

Но в этой части сновидения я начала ощущать переживание: в каждой комнате меня ждали ссоры, дружба, любовь.

Периодически мне пришлось восстанавливать свою энергию — потирая руку об руку. Так нужно, чтобы не утащило в пространство Ид, пространство, где нельзя контролировать сон и усталое сознание мечется, подобно тряпке в тазу с грязной водой.

В последней из белых комнат, где я оказалась, я увидела девушку девятнадцати лет. Она прощалась со старенькой женщиной с добрыми солнечными морщинками. Женщина сидела в кресле-качалке и вязала шарф, а полосатый котенок рядом баловался, запутывал нитки. Девушка наклонилась и поцеловала ей руку.

— Мы еще увидимся... — прошептала она.